

Сюда ведет лишь одна дорога.
А отсюда – ни одной...

Блейк Крауч

СОСНЫ

Город в Нирге

Wayward Pines

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К77

Blake Crouch
PINES

Copyright © Blake Crouch, 2012.

This edition published by arrangement with InkWell
Management LLC and Synopsis Literary Agency

Крауч, Блейк.

К77 Сосны. Город в Нигде / Блейк Крауч ; [пер. с англ. А.В. Филонова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Город в Нигде. Кинообложка).

ISBN 978-5-699-81881-5

Специальный агент Секретной службы США Итан Берк приходит в себя в больнице захолустного городка в штате Айдахо — и понимает, что не помнит ничего. Ни кто он, ни как попал сюда, ни что с ним случилось. Сбежав из больницы, Берк бродит по городу с романтическим названием Заплутавшие Сосны — и постепенно обретает память. Его послали сюда с целью отыскать двоих коллег, бесследно пропавших некоторое время назад. Но на въезде в город Итан попал в автоаварию — и на этом воспоминания обрываются. Он пытается связаться с местными властями, а через них — со своим начальством, но это у него не выходит. Тогда он пробует покинуть город — но и здесь терпит неудачу: поразительно, но все дороги из Заплутавших Сосен ведут обратно. Итан понимает, что с городком что-то очень сильно не так...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-81881-5

Несмотря на свидетельства того, что эволюция человечества идет по-прежнему, биологи едины во мнении, что остается лишь гадать, куда она нас заведет.

*Журнал «Тайм»,
23 февраля 2009 года*

То, что ты параноик, вовсе не значит, что тебя не преследуют.

Джозеф Хеллер

Глава

01

Он очнулся, лежа на спине, под солнечным светом, бьющим в лицо, под шум воды, бегущей где-то по соседству. Оптический нерв пронзала блистательная боль, а в основании черепа неустанно, но пока безболезненно пульсировали отдаленные раскаты грома подступающей мигрени. Перекатившись на бок, он оттолкнулся, перейдя в сидячее положение, спрятав голову между коленей. Ощутил неустойчивость мира задолго до того, как распахнул глаза, словно его ось сорвалась на дребезг. При первом вдохе почувствовал, будто кто-то вгоняет стальной клин между верхними ребрами левого бока, но, со стоном проравшись сквозь боль, с усилием открыл глаза. Левый глаз, должно быть, совсем заплыл, потому что смотрел как через щелку.

Зеленейшая трава, какую он только видел — целый лес длинных, мягких былинки, — сбегала к берегу. Чистая, стремительная вода бурлила среди валунов, торчащих из потока. За рекой — вознесшийся на тысячу футов утес. На уступах — растущие кучками сосны, воздух напоен их ароматом и свежестью проточной воды.

На нем черные брюки и черная куртка с оксфордской рубашкой под ней; белый хлопок забрызган кровью. Под воротником болтается черный галстук с почти распустившимся узлом.

При первой попытке встать колени подломились, и он плюхнулся обратно — достаточно жестко, чтобы послать через грудную клетку вибрации жгучей боли. Вторая попытка увенчалась успехом, и он обнаружил себя шатко, но стоящим на земле, вихляющейся под ногами, как палуба корабля. Медленно обернулся, шаркая ногами и расставив их пошире для равновесия.

Спиной к реке, он стоял на краю открытого поля. В дальнем конце под перекальным светом полуденного солнца блестели металлические поверхности детских качелей и горок.

Вокруг ни души.

За парком он углядел викторианские дома, а еще дальше — здания главной улицы. Городишко от силы с милю в поперечнике угнездился посреди каменного амфитеатра, окруженный скальными стенами, возносящимися на несколько сотен футов с каждой стороны, состоящими из красных слоистых пород. В высочайших, погруженных в тень закоулках горы сохранился снег, но здесь, в долине, тепло, на кобальтово-синем небе над головой ни облачка.

Проверил карманы брюк, потом — своего однобортного пиджака.

Ни бумажника. Ни зажима для денег. Ни документов. Ни ключей. Ни телефона.

Только маленький швейцарский армейский ножик в одном из внутренних карманов.

Пока добрался до другого края парка, у него прибавилось и бодрости, и недоумения, а пульсация в затылочной части позвоночника уже утратила болезненность.

Он знал шесть вещей:

Имя нынешнего президента.

Как выглядит лицо матери, хотя и не мог припомнить ни ее имени, ни даже звучания ее голоса.

Что он умеет играть на фортепиано.

И водить вертолет.

Что ему тридцать семь лет.

И что ему нужно в больницу.

Помимо этих фактов, весь мир вообще и это место в частности были настолько же непостижимы для него, как именованное на неизвестном языке. Он чувствовал, что истина маячит где-то на периферии сознания, но вне пределов досягаемости.

Он шагал по тихой улице жилого района, внимательно приглядываясь к каждому автомобилю по пути. Не принадлежит ли один из них ему?

Дома, обращенные фасадами друг к другу, выглядели девственно чистыми — свежесмытые, с безупречными квадратиками яркой травы, обнесенные штакетными заборчиками, с фамилиями домовладельцев, выписанными белыми печатными буквами сбоку на черных почтовых ящиках у каждого. Почти в каждом заднем дворе виднелся трепетный садик, буйствующий не только цветами, но и овощами, и фруктами.

Все цвета так чисты и насыщены.

Ходьба давалась с трудом, и на полпути через второй квартал он скривился, совсем запыхавшись; боль в левом боку заставляла то и дело останавливаться. Сняв пиджак, выправил рубашку из брюк, растегнул и распахнул ее. Выглядело даже хуже, чем ощущалось, — вдоль всего левого бока расплылся темно-лиловый синяк, опоясанный пограничной полосой чахоточной желтизны.

Что-то его ударило. Крепко.

Легонько провел ладонью по поверхности черепа. Головная боль прочно угнездилась там, становясь отчетливее с каждой минутой, но пальцы не нащупали никаких признаков серьезной травмы, не считая болезненности с левой стороны.

Застегнув рубашку, снова заправил ее в брюки и двинулся дальше по улице.

Вывод просто-таки вопил: его постиг какой-то несчастный случай.

Может, автомобильная катастрофа. Может, падение. Может, на него напали — тогда ясно, почему при нем нет бумажника.

Надо первым делом заявиться в полицию.

Вот только...

Что, если он переступил черту? Совершил преступление?

Возможно ли такое?

Может, следует выждать, поглядеть, не забрезжит ли что-нибудь в мозгу.

Хотя городок не казался ему даже отдаленно знакомым, он поймал себя на том, что, ковыляя по улице, читает фамилии на всех почтовых ящиках подряд. Подсознательный рефлекс? Потому что где-то в недрах памяти он знает, что на одном из этих

почтовых ящиков должна быть напечатана сбоку *его* фамилия? И что стоит ее увидеть, как все встанет на свои места?

В нескольких кварталах впереди над соснами возносились здания центра города, и он расслышал — впервые за сегодня — шум движущихся автомобилей, далекие голоса, гул систем вентиляции.

Вдруг он оцепенел посреди улицы, непроизвольно вытянув шею.

Воззрившись на почтовый ящик, принадлежащий красно-зеленому двухэтажному «викторианцу».

Воззрившись на фамилию сбоку.

Пульс начал учащаться, хоть он и не понимал, почему.

МАККЕНЗИ.

«Маккензи».

Фамилия не говорила ему ровным счетом ничего.

«Мак...»

Зато первый слог как раз говорил. А вернее, вызвал некий эмоциональный отклик.

«Мак. Мак».

Он что, Мак? Это его имя?

«Меня зовут Мак. Привет, я Мак, рад познакомиться».

Нет.

Привкус от имени на языке остался какой-то неестественный. Оно не воспринималось как принадлежащее ему. А если честно, так и вовсе вызывало неприязнь, потому что навевало...

Страх.

Как странно. По какой-то причине это слово внушило страх.

Может, увечья ему нанес некто по имени Мак?

Он двинулся дальше. Еще через три квартала вышел на угол Главной улицы¹ и Шестой, где уселся на скамейку в тени и сделал медленный, осторожный вдох. Поглядел вверх и вниз по улице, отчаянно отыскивая взглядом что-нибудь знакомое.

Ни одного сетевого магазина в пределах видимости.

По диагонали от скамейки виднеется аптека.

Рядом кафе.

Трехэтажное здание возле кафе с вывеской над крыльцом:

ОТЕЛЬ «ЗАПЛУТАВШИЕ СОСНЫ»²

Запах кофейных зерен повлек его со скамейки. Подняв взгляд, он увидел в полуквартале от себя заведение под названием «Ароматный парок», откуда тот, должно быть, и доносился.

Гм-м.

Может, и не самые полезные сведения, учитывая все обстоятельства, но в сознании забрезжило, что он любит хороший кофе. Жаждет его. Еще один

¹ Можно именовать ее и «Мейн-стрит», но тогда некоторые смысловые нюансы потребуют совершенно неуместных интеллектуальных усилий (см. следующий комментарий). — *Здесь и далее: прим. пер.*

² Хотя по правилам топонимики следовало бы называть и населенный пункт, и гостиницу вслед за ним «Уэйуорд Пайнз», перевод куда уместнее. Во-первых, чтобы с этим названием русскоязычному читателю было так же комфортно, как читателю англоязычного оригинала, не напрягая каждый раз сознание, чтобы уловить авторские аллюзии, а во-вторых, русская транслитерация «Уэйуорд» представляется затруднительной как для глаза, так и для уха.

крохотный фрагмент головоломки его собственной личности.

Дойдя до кафе, он потянул на себя затянутую сеткой дверь. Небольшое своеобразное кафе, и, судя по запаху, варит грандиозный напиток. Бар в дальнем углу справа сверкает эспрессо-машинами, кофемолками, миксерами, бутылками сиропов. Три табурета заняты. У противоположной стены выстроилась горстка диванов и стульев. Полка с истрепанными книжками в бумажных обложках. Два старикана за шахматной доской ведут сражение разношерстными фигурами. Стены демонстрируют образчики местного творчества — ряд черно-белых автопортретов какой-то дамы среднего возраста с выражением лица, не меняющимся от снимка к снимку ни на йоту. Меняется только фокусировка камеры.

Он подошел к кассе.

Когда двадцати-с-чем-то-летняя бариста с белокурыми дредами наконец углядела его, в ее красивых глазах промелькнуло что-то сродни ужасу.

Знает ли она меня?

Поймав свое отражение в зеркале за стойкой, тотчас же сообразил, что вызвало ее отвращение, — левая сторона лица обратилась в сплошной синяк, левый глаз вздулся, заплыв почти напрочь.

Боже мой. Кто-то избил меня в хлам.

Если же закрыть глаза на этот чудовищный синяк, он даже недурен собой. На глазок футов шесть, а то и шесть с дюймом¹. Короткие черные волосы, на подбородок и щеки тенью легла двухдневная щетина.

¹ То есть 183–185 см.

Крепкое, мускулистое телосложение очевидно и по тому, как сидит на плечах пиджак, и по туго натянувшейся на груди рубашке. Ему пришло в голову, что по виду он похож на работника рекламы или маркетинга — наверное, чертовски привлекателен, когда побреется и наведет лоск.

— Что вам подать? — осведомилась бариста.

Он убил бы за чашку кофе, но в карманах ни гроша, и ни малейшего понятия, как его зовут.

— Вы тут варите хороший кофе?

Вопрос девушку вроде бы озадачил.

— М-м... ага.

— Лучший в городе?

— Это единственное кафе в городе, но, ага, наш кофе дает жару.

— Вы меня знаете? — шепнул он, перегнувшись через стойку.

— Простите?

— Вы меня узнаете? Я сюда когда-нибудь заходил?

— А вы что, не знаете, бывали ли здесь прежде?

Он покачал головой.

Она мгновение разглядывала его, будто оценивая его искренность, пытаясь определить, не сумасшедший ли этот тип с побитой физиономией и не вешает ли он ей лапшу на уши.

И наконец сказала:

— Не думаю, чтобы видела вас прежде.

— Вы в этом уверены?

— Ну, в Нью-Йорке дело обстояло бы иначе.

— Справедливо. Вы давно тут работаете?

— Чуть больше года.

— И я, типа, не местный?

- Вы определенно не местный.
- Можно спросить кое-что еще?
- Разумеется.
- Где это мы?
- А вы не знаете, где находитесь?

Он замешкался, отчасти не желая признаваться в столь полной и безоговорочной беспомощности. Когда же наконец покачал головой, бариста наморщила лоб, словно не в состоянии поверить в этот вопрос.

— Я не пудрю вам мозги, — вставил он.

— Это Заплутавшие Сосны, штат Айдахо. Ваше лицо... что с вами стряслось?

— Я... пока не знаю. В городе есть больница? — Задавая вопрос, он вдруг ощутил, что его будто зловещим током прошило.

Низковольтное предчувствие?

Или длань какого-то глубоко погребенного воспоминания ведет вдоль хребта холодным пальцем?

— Ага, в семи кварталах отсюда. Вам надо в «Скорую» прям щас. Хотите, вызову машину?

— Обойдусь. — Он отстранился от стойки. — Спасибо... как вас зовут?

— Миранда.

— Спасибо, Миранда.

Стоило снова выйти на солнце, как чувство равновесия дало сбой, а назревающая головная боль подскочила на несколько делений, в нижний диапазон пыточной. Никакого уличного движения не было, так что он в нарушение правил просто пересек Главную и двинулся вдоль квартала к Пятой улице, миновав молодую мамашу с маленьким сыном, шепнувшим что-то вроде: «Мамуля, это он?»